

НАСТОЯЩЕЕ

1

Пэтти Харни притормаживает свой автомобиль-седан без опознавательных знаков полиции за два квартала от того места, куда направляется. На местных узких улицах полно патрульных полицейских машин, и свет «мигалок» порождает какой-то хаос в ночном освещении квартала. Тут таких машин штук двадцать — не меньше.

Пэтти припарковывает авто у края проезжей части, надевает на шею шнурок с прикрепленным к нему значком полицейского-детектива, и теперь значок болтается у нее на груди поверх футболки. Воздух на улице необычно холодный для конца апреля. Пэтти, однако, чувствует, что ее то и дело бросает в жар.

Она пробегает один квартал и оказывается перед желтой лентой внешнего периметра. Один из полицейских делает шаг по направлению к ней, чтобы остановить, но, увидев значок, позволяет пройти. Она не знакома с этим полицейским, охраняющим внешний периметр, а он, похоже, никогда не видел ее. Тем лучше.

Она подходит все ближе и ближе. Пот щиплет глаза, а футболка, несмотря на холод, стала мокрой. Нервы сильно напряжены.

Она знает этот многоквартирный дом и нашла бы его без труда, даже если бы рядом с ним не суетились полицейские. Некоторые собрались под навесом, прикрепленным к фасаду. Один из них — такой же, как и Пэтти, детектив — узнает ее, и выражение его лица сразу же смягчается.

— О господи, Пэтти...

Она поспешно устремляется мимо него в вестибюль здания. Со стороны может показаться, что это какие-то похороны, а не

место преступления: полицейские в форме и детективы в гражданской одежде стоят потупив взгляды, выражение лиц у них трагическое, а на глазах — слезы. Некоторые утешают друг друга. А заниматься сейчас нужно совсем другим.

Пэтти идет по вестибюлю к лифту, невольно рыская глазами по сторонам в поиске камер видеонаблюдения (давнишняя привычка, едва не превратившаяся в инстинкт — такой, как, например, инстинкт дыхания), и видит, что в лифте возится группа технических специалистов — членов Управления судебно-медицинских экспертиз: они посыпают поверхности лифта специальным порошком, чтобы затем снять отпечатки. Пэтти быстренько надевает вместо туфлей кеды и распахивает дверь, ведущую на лестницу. Она знает, что надо подняться на шестой этаж, и понимает, какая квартира ей нужна.

Она идет вверх по лестнице, перешагивая через ступеньку. В груди жжет, ноги слабеют, в животе назревает бунт. Чувствуя головокружение и с трудом пытаюсь не поддаться панике, она останавливается на лестничной площадке третьего этажа — одна посреди хаоса — и, присев на корточки, берет за голову и старается собраться с мыслями. Все тело дрожит, а из глаз каплют слезы, расплывающиеся на бетоне пятнышками.

«Тебе необходимо это сделать», — мысленно уговаривает она себя.

Она преодолевает оставшиеся пролеты лестницы, чувствуя, что в груди по-прежнему жжет, а ноги стали какими-то резиновыми. Наконец она проходит в дверь, ведущую с лестницы на шестой этаж.

Там кипит работа: щелкают фотоаппараты, суетятся специалисты по сбору улики, полицейские в форме допрашивают соседей. Пэтти замечает знакомого судебно-медицинского эксперта Рэмзи.

Она делает шаг, затем еще один, но ей при этом кажется, что она вообще не продвигается вперед, а просто перемещается по кругу в каком-то аттракционе ужасов...

— Туда заходить нельзя.

— Пэтти.

— Детектив Харни. Пэтти!

Кто-то хватает ее за руку. Ее взгляд неспешно — как при замедленном воспроизведении видеозаписи — движется по лицу лейтенанта Визневски, которого все называют Визом. Пышные усы, круглое лицо, сигарный запах...

— Пэтти, я... О господи... Мне очень жаль.

— Он... Он...

Пэтти не может заставить себя договорить.

— Они все, — говорит Виз. — Мне очень жаль, что именно я вынужден сообщить об этом.

Пэтти качает головой и пытается высвободить руку.

— Туда нельзя заходить, Пэтти. Пока еще нельзя.

Виз становится перед ней, преграждая путь к двери.

Она с трудом подыскивает подходящие слова:

— Но я ведь... Я знаю, как... как себя вести на месте преступления.

«На месте преступления». Звучит так, как будто речь идет всего лишь еще об одном акте насилия, с которым она то и дело сталкивается в своей профессиональной деятельности.

— Но не здесь, детектив. Туда пока еще нельзя. Дай нам возможность попытаться... Пэтти, перестань...

Она отбивает в сторону его руки и резко толкает его. Едва удержав равновесие, он хватает ее за плечи.

— Пэтти, пожалуйста, — говорит он. — Никому не пожелаю увидеть своего брата в таком состоянии.

Она смотрит Визу прямо в глаза, почти не видя его и лихорадочно пытаюсь до конца все осознать. У нее мелькает мысль, что, возможно, Виз прав и ей не следует смотреть на труп, потому что, если она не увидит брата мертвым, он и не будет для нее мертвым, он не уйдет в мир иной...

Раздается треньканье лифта.

Но ведь он сейчас не эксплуатируется: ребята из Управления судебно-медицинских экспертиз посыпают его специальным порошком. Кто же тогда пользуется лифтом? Наверное, тот, кто может воспользоваться служебным положением и...

«О господи...»

— Пришел начальник следственного управления, — слышится чей-то голос.

Пэтти смотрит поверх плеча Виза.

Высокая, угловатая фигура, характерные большие шаги, орлиный нос, который она, слава богу, не унаследовала...

— Папа, — произносит она. Слово едва не застревает в горле, и она чувствует, как самообладание быстро улечивается.

К ней приближается отец — начальник следственного управления Дэниел Харни. Он одет в спортивную куртку, наброшенную поверх помятой рубашки, его редкие волосы не причесаны, а под глазами — темные пятна.

— Малышка, — шепчет он, заключая ее в объятия. — О-о, мой маленький ангелочек.

— Неужели это в самом деле произошло, папа? — выдыхает она ему в грудь, потому что он крепко прижимает ее к себе. Она говорит так, будто снова стала маленькой девочкой, считающей, что ее отец знает ответы на все вопросы в мире.

— Я хочу его увидеть, — говорит отец, но не ей, а Визу.

Он берет дочь за руку, словно бы ведя ее по коридору, и поворачивается к двери.

— Я понимаю, сэр, — говорит Виз, — но это... это не... Крепитесь, сэр.

Отец смотрит на Пэтти, и выражение лица у него очень мрачное: оно — как плотина, удерживающая разбушевавшуюся стихию. Она кивает.

Его голос начинает дрожать, когда он командует:

— Покажите, куда идти, лейтенант.

2

Пэтти что-то выключает у себя в мозгу, а включает совсем другое. Она будет держаться спокойно. Она будет вести себя как детектив, а не как сестра. Она осмотрит место преступле-

ния, а не труп брата-близнеца. Она изо всех сил цепляется за руку отца, который уже направляется в выложенный плитками коридор.

Ей знаком этот коридор. Из него можно попасть в большую гостиную. Налево — маленькая кухня, прямо — спальня и ванная. В общем-то, довольно обычная квартира в высотном многоквартирном доме в Чикаго, но данную конкретную квартиру она знает хорошо. Она уже была здесь.

Первый раз она побывала тут вчера.

В помещении сразу же становится тихо — словно кто-то поднял руку, требуя тишины. Все, кто чем-то занимался — посыпал поверхности специальным порошком, чтобы затем снять отпечатки, или фотографировал, или собирал образцы, или о чем-то разговаривал, — сделали паузу и уставились на начальника следственного управления и его дочь (тоже детектива).

Пэтти машинально осматривает все вокруг себя глазами детектива. Не видно никаких следов борьбы в гостиной — самой большой комнате в квартире. Мебель стоит на месте, плитка на полу — блестящая и чистая, и не заметно признаков никакой деятельности, кроме той, которой занимаются сейчас детективы и технические специалисты.

Кто-то некоторое время назад включил кондиционер на полную мощность, а потому воздух здесь стал более свежим и прохладным, и это должно замедлить разложение трупа...

«Разложение трупа. Трупа моего брата».

— Это в спальне, — говорит Визневски, заходя вперед. — Но я не могу пустить вас туда, вы прекрасно понимаете. Вы — ближайшие родственники одного из...

— Я хочу просто взглянуть. Я не буду туда заходить, лейтенант.

Отец Пэтти говорит вроде бы четким и решительным голосом, и она, наверное, единственная из присутствующих, кто замечает в его голосе дрожь.

Пэтти рыщет взглядом по сторонам, но не замечает ничего. Эми содержала квартиру в чистоте. В свое время Пэтти